

Н. Попова

КОНГРЕГАЦИЯ ВЕДУЩИЙ В ПОГИБЕЛЬ

RUGRAM

Москва
2024

УДК 82-312.9

ББК 84.4

П58

Попова Н.

П58 Ведущий в погибель / Н. Попова — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 692 с. — (Конгрегация).

ISBN 978-5-517-11778-6

Судьба переменчива и непредсказуема. Откомандированный в Аусбург следователь первого ранга Курт Гессе даже предположить не мог, что вместо этого окажется в Ульме. В городе, где не любят Конгрегацию. В городе, где страх потерять прибыль куда сильнее, чем страх Божий. В городе, где ночные улицы смертельно опасны. И именно здесь Курта ждет новое расследование, к которому он, как оказывается, не готов ни физически, ни морально...

BIC FM

BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-11778-6

© Надежда Попова, текст, 2021

© Анастасия Белецкая, обложка, 2021

© РИПОЛ классик, оформление, 2024

© Т8 RUGRAM, оформление, 2024

© Т8 Издательские технологии, 2024

*Автор выражает благодарность
Надежде Шолиной,
доценту кафедры всемирной литературы НГПУ им. К. Минина,
за помощь в блуждании
по дебрям латинских падежей.*

intrate per angustam portam quia lata porta et spatiosa via quae ducit ad perditionem et multi sunt qui intrant per eam quam angusta porta et arta via quae ducit ad vitam et pauci sunt qui inveniunt eam (Mt.7:13,14)¹.

ПРОЛОГ

Мокрый снег налипал на сапоги, отчего ноги становились тяжелыми, точно закованными в колодки, а подошвы норовили съехать на сторону и опрокинуть тело в растоптанную мартовскую слякоть. Снега никто не счищал ни теперь, ни во все время зимы, а тренировочный плац был засыпан мелкими камнями и огромными, неровными глыбами, не оставляя, куда ступить шаг; когда же Курт попытался намекнуть старшему инструктору, что его подопечным надлежало бы поднапрячься и привести территорию вокруг монастырского корпуса в порядок, тот нехорошо усмехнулся и заметил, что бегать и драться на ровной чистой площадке может любой заsrанец, каковому следовало бы умолкнуть и исполнять, что велено. Велено было, как и всякий проведенный в этих стенах день, «бегом!»...

У стены Курт остановился, едва не упав, упершись в камень дрожащими ладонями и опустив голову; своих заляпанных липучей снежной кашей сапог он не видел — в глазах было темно. Горло горело, обжигая каждым выдохом, и даже при вдохе холодный весенний воздух прорывался в легкие режущими кипящими глотками. Привычного уже приступа тошноты на сей раз не случилось, но распрямиться не было сил и, что главное, желания — даже такой отдых настойчиво требовал своего продолжения, и организм не просил

¹ Входите тесными вратами, ибо широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими // ибо тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их (Матф.7:13,14), (лат.).

уже — повелевал не переставлять больше ноги, не тащить неведомо для чего вперед ноющее тело.

Когда при его появлении здесь старший инструктор посулил «истязать до потери сознания» и «гонять до кровавой блевотины», Курт счел это фигурой речи, в каковом предположении жестоко разочаровался в первый же день своего обучения. Выпитая вместо завтрака вода оказалась на снегу после того, как он нарезал десять кругов около корпуса. Сознание он потерял на тринадцатом круге, даже не успев подумать о символизме данного числа...

— Стоишь на ногах?

Голос звучал неведомо откуда, заглушаясь звенящей в ушах кровью, и того, как сквозь надсадный хрип выдавил «да», Курт почти не разобрал, зато четко до зубовой боли расслышал удовлетворенное:

— Славно... Тогда — бегом. Еще круг.

Возражать он не пытался, и полученному приказу подчинился не тотчас лишь оттого, что соскребал обломки сил; оттолкнувшись от шершавого серого камня стены, распрямил готовую сломаться пополам поясницу и двинулся снова вперед, не чувствуя ног, головы и себя самого. Мыслей в голове уже давно не осталось — даже грез об отдыхе. Даже нехитрое по своей сути действие — отсчет дыхания — пробуждало боль почти физическую.

Вдох на четыре шага — задержка — на четыре шага выдох; снова вдох, задержка, снова выдох...

* * *

— Ты все делаешь неверно, — пояснял его мучитель в первый день, когда, стоя на четвереньках в снегу, Курт пытался собрать легкие для очередного глотка воздуха. — Ты все время думаешь о том, что делаешь, а мозги ты должен держать пустыми, как выскобленный пергамент, чтобы вписать в них намертво то, для чего ты, собственно, бежишь. Навряд ли когда-нибудь ты получишь приказ пробежать пятнадцать миль и рухнуть на все четыре точки; ты пес Господень, а не сучка в течке. Приказ будет — мигом перевести дух и заняться делом.

— А кони на что? — обдирая горло каждым звуком, возразил Курт.

— Рухнул конь. Оказался таким же дохляком, как ты. Или пристрелили его. А для следователя с опытом работы вопрос и вовсе идиотский. Все, что угодно, может быть, и ты должен сохранять ясность рассудка и твердость в руках. А кроме того, вполне возможно, тебе придется и отдавать приказы другим, то есть, думать за пару-другую оболтусов, причем обдумывать детали операции ты должен будешь на ходу.... Ну-ка, родословную Христа. На латыни и быстро.

— Не могу, — вытолкнул он с напряжением, и инструктор повысил голос:

— Таких слов не знаю. Что я велел вчера прочесть и запомнить?

— «*Debes, ergo potes*¹»...

— Верно. Это не просто врезано в камень над главным входом — всякий, кто проходит под этой надписью, должен столь же глубоко выцарапать это в себе, на лбу написать, если иначе не может усвоить. Кому это не по силам, тот через те же двери вылетает вон. Думаешь, ты в ином положении? Осознай одну простую вещь, Гессе: здесь ты не инквизитор. Там, за этими стенами, встретиться мы по службе, ты, может, и будешь иметь право спорить со мной и отдавать мне приказы, но здесь — здесь приказываю я. Здесь мне плевать на твои полномочия, на твой первый ранг, на императорское благоволение и прочую хрень, здесь в моей воле решать, останешься ли ты в должности следователя вообще. Что? — с наигранным участием уточнил инструктор, когда Курт вскинул голову, глядя на него растерянно. — А ты мнил, что тебе прописали отпуск на альпийской природе?

— Вы не можете решать... — начал Курт, и тот оборвал:

— Могу. Для того ты и здесь. Все твои подвиги описаны в сопроводительных документах, Гессе, я знаю о тебе практически все; и какой вывод следует из этого? Вывод такой: тебя мне отдали, чтобы я решил, насколько готов ты к продолжению службы. В ней ты уже сошелся и еще не раз сойдешься с теми, кто перешибет тебя одним плевком, если ты не сумеешь противопоставить их силе — свою. Сила же твоя всего-навсего в выносливости и боевых навыках.

— Не только, — возразил Курт уже чуть увереннее и нахальнее.

— Да, — не стал спорить инструктор. — Еще ты умеешь загораживать мозги от попыток в них залезть; и это тоже недурно, однако — как ты будешь это делать, если уже теперь не можешь натужить их

¹ Должен, следовательно, можешь (лат.).

даже для того, чтоб просто зачитать хорошо тебе известный кусок Евангелия?... Любоой мало-мальски неленивый малефик-мозгодолб сейчас мог бы сделать из тебя куклу, готовую по его приказу отплясывать нагишом на алтаре. И вот что ты должен уяснить: если я не увижу подтверждения хваленой двужильности, о которой такими восторгами кишит твоя *descriptio*¹ —рекомендую твоему начальству отстранить тебя от оперативной работы. Сейчас я вижу, что ты не выносливей любого из моих парней. Чего я не вижу? не вижу смысла в твоём пребывании здесь; у меня и так есть чем заняться вместо того, чтоб расходовать время на доходяг. Сегодня день испытания, в который я вынесу свой вердикт — стану ли я натаскивать тебя вообще или вышлю обратно с припиской «не годен». Словом, Гессе, если служба тебе дорога, и остаток дней ты не желаешь провести в архиве в обнимку с чернильницей — бегом вперед; остановишься раньше, чем я велю — прощайся со Знаком следователя на веки вечные. Итак, встал или собирай пожитки.

Он встал...

Десять кругов ада, медленно проползло в голове, когда его вернуло наизнанку. Когда же сознание внезапно отключилось, подумать Курт не успел уже ничего.

— Будем считать, ты не безнадежен, — без каких-либо предисловий подытожил инструктор, когда он пришел в себя. — Продышался?

— Да, — отозвался Курт настороженно, и тот кивнул:

— Славно. Еще полкруга — до плаца. Бегом.

* * *

Утро следующего дня майстер инквизитор встретил полутрупом — каждая мышца трещала при малейшей попытке шевельнуться, ноги отказывались передвигаться вовсе, а покрывающие все тело синяки и глубокие ссадины, оставленные старшим инструктором при их недолгой стычке на плацу, вгоняли и без того ниспавший дух в состояние унылой тоски — стоило лишь задуматься о том, что каждый из этих ударов мог быть (и был бы в действительном бою) нанесен заточенным лезвием. До сих пор Курт почитал себя неплохим бойцом — и, надо сказать, не без оснований, возможностей испытать и подтвердить это практически была мас-

¹ Характеристика, отзыв (лат.).

са; и неспроста любой в Германии, от студента до капитана городских стражей (ну, кроме, быть может, господ рыцарей, коим, как известно, и адово серное озеро по колено...), рискнет столкнуться в драке с выпускником академии святого Макария лишь по суровой необходимости либо же по непроходимой глупости. С инквизитором лучше не связываться — и не только по причине страшной кары за покушение, это знает всякий. Знал и сам Курт — до вчерашнего дня, когда Альфред Хауэр объяснил, насколько глубоко было его заблуждение...

— Не стану понапрасну порочить ваших наставников, — заметил инструктор, пока Курт, кривясь и шипя, приседал и размахивал руками, пытаясь пробудить окаменевшие мышцы к жизни. — Для рядового следователя, быть может, этих умений и довольно — довольно, чтобы заломать рядового вояку; а малефики, они ведь частенько имеют гнусное обыкновение шлаться в окружении доброй охраны, тебе ли не знать. И неспроста ведь в обстоятельствах чрезвычайных руководство обращается к кому?... Верно, к нам. Когда речь идет о нешуточных вопросах, прибывает зондергруппа. Вот только наши парни посвящают этому годы, день за днем, а я должен сделать из тебя человека за три месяца; задача невозможная...

— Возможно все, — возразил Курт угрюмо, косясь на инструктора исподлобья. — Кроме того, позволю себе напомнить: если уж вы должны — следовательно, можете.

— А ты не умничай, — осадил Хауэр. — Я не смогу ничего, если ты станешь отлынивать и перечить.

— Не стану, — заверил он коротко. — Не приучен.

Прекословить Курт действительно перестал, возмущившись лишь однажды, когда инструктор, принарядив его в кольчугу, увешав оружием и снабдив тяжелой дорожной сумкой, скомандовал свое обычное «бегом». Пытаясь следить за словами и понимая при том, что обороты избирает не самые учтивые, Курт заметил, что отдавать приказы несложно, и сам он постиг сию науку в совершенстве, каковой факт несомненно даст прочувствовать мастеру инструктору, когда им доведется повстречаться в иных обстоятельствах.

— Не доведется, — безрадостно усмехнулся Хауэр. — Покомандовать мной вам не светит, мастер инквизитор, на оперативную работу меня не выпускают — берегут. Я умею делать хороших бойцов из таких вот олухов, и заменить меня некем... Наめкаешь, Гес-

се, что я требую от тебя невозможного? Знаешь, всем здесь рано или поздно приходила в голову мысль, что Хауэр заплесневел, разгуливая по плацу и покрикивая на других. Ты не первый... Жди. Переведи дух — сейчас не помешает.

Инструктор возвратился спустя четверть часа — так же облаченным в тяжелую кольчугу, так же вооруженным до зубов, с такой же до отказа набитой сумой.

— Подержи, — сбросив мешок на руки Курту, предложил тот, ухмыльнувшись, когда он присел, едва не выронив. — Дабы ты не думал, будто я насовал туда перьев... А теперь — вперед. И учти: за каждый шаг, на который ты отстанешь, бежишь лишний круг.

Лишних кругов было три, но более всего убивало не это, а то, что Хауэр одолел и их тоже — все так же впереди. Когда Курт, пробежав последние шаги, повалился коленями в холодный снег, не запыхавшийся старший инструктор покровительственно хлопнул по плечу, заметив с одобрением:

— Ведь можешь. Можешь и больше, когда надо. А раз можешь, значит, впредь и будешь. А теперь, если не хочешь завтра плевать с кровью, поднимись на ноги и отдышись.

* * *

— Не хватай ртом воздух, как полудохлая рыба — возьми себя в руки и заставь дышать медленно. В этом все дело, — пояснял инструктор наутро, когда Курт снова стоял на четвереньках в хрусткой снежной крупе, поднимая себя на ноги с невероятным усилием. — Потому ты сейчас готов издохнуть на месте, а я в силах говорить. Потому ты отставал. Натренировать ноги резво переступать — ерунда, не это главное; если ты решил, что я норовлю сделать из тебя бегуна на ярмарочную потеху, ты ошибся. Дыхание — вот за чем ты должен следить. Как певец на клире. Дыхание — средоточие жизни, Гессе, и от того, как ты дышишь, зависит и состояние твоего тела, и состояние духа. Вынуди разгневанного человека сделать несколько глубоких вдохов — и половина гнева уйдет. В бою лишь на минуту сбей дыхание...

— Знаю, — оборвал Курт довольно невежливо, и тот кивнул:

— Ну, хоть этому вас научили... Эти дни мы состязались в скорости, лишь чтобы показать тебе, что такое возможно — быстро, далеко и не уставая, однако впредь я стану обучать тебя не этому. Вот